

Либер Патер / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Либер Патер / рассказ ЛИБЕР ПАТЕР

Черепица скользнула по скату донжона, зацепилась за водосток, качнулась и рухнула вниз, едва не задев фару допотопного трактора, припаркованного во дворе замка. И рассыпалась на куски. Толстый лабрадор взвизгнул и шарахнулся к ногам хозяина.

– Дерьмо, – сказал хозяин лабрадора, трактора и замка, – пора ремонтировать крышу. Сто лет, как пора...

Он пересек мощный двор и направился к дому. Прошел мимо парадного подъезда с мраморной полукруглой лестницей, мимо оранжереи и свернул к черному входу, ведущему на кухню и в складские помещения. На пороге очистил подошвы о чугунный скребок и разулся. В прихожей снял брезентовую куртку, повесил на гвоздь кепку и пошел по коридору, оставляя следы мокрых носков на каменном полу.

– Добрый вечер, господин граф! – поздоровалась горничная, веселая толстая девица с пылесосом.

– Добрый вечер, Онорин. Мадам у себя?

– Ага, легла отдохнуть перед ужином. Весь день приводили в порядок детскую. Срок-то уже близок, верно?

– Верно... Если что, я в кабинете.

Ребенок родился через два дня, на месяц раньше положенного. Это была молчаливая девочка с серьезным лицом и тревожными глазами. Она тихо лежала в кровати и вздрагивала от резких звуков, но не плакала. Ее называли Клеманс.

Клеманс провела в молчании три с половиной года, а когда родители уже потеряли надежду услышать ее голос, произнесла свою первую фразу. «Римские цифры», – сказала она, указывая на кадан солнечных часов.

В честь римских цифр накрыли стол и устроили семейный праздник. Старшие дети носились вокруг клумбы, мать в десятый раз описывала чудесное событие, а Клеманс молча сидела на

коленях графа и отворачивалась от рук родственников, пытавшихся погладить ее по голове.

Вскоре выяснилось, что мир Клеманс делится на две части: с одной стороны – она и отец, с другой – мать, старшие сестры, брат и прочие явления непредсказуемой природы. Опасность подстерегала ее на каждом шагу: она боялась трактора, грозы и белых коров мясной шаролезской породы.

– Смотри, папа! – шептала она, прижимаясь к графской ноге.

– Что еще, доченька?

– Вон! – она указала на исполинскую мошонку быка-производителя.

– Это тестикулы, радость моя. Там живут будущие бычки. Тестикулы очень вкусные, как-нибудь попросим маму приготовить. Клеманс представила тарелку с рогатыми бычками и испугалась еще больше.

Все вечера она проводила в кабинете отца, решая детские sudoku и наблюдая, как граф ведет деловую переписку, заполняет декларации и пишет жалобы на соседа, отстаивая права на спорный участок дубового леса, который издавна снабжал древесиной местную бондарную мастерскую. Тяжба длилась второй век и передавалась по наследству вместе с полями, пастбищами и замком. Отец писал изысканные фразы красивым почерком, а сосед отвечал бодрыми электронными посланиями, смысл которых терялся в трущобах бюрократических оборотов и в ссылках на законы, указы и поправки. Граф вчитывался в текст, вытирал пот и ругался сквозь зубы.

– Папа, брат сказал, что соседу пора оторвать яйца, – сообщила семилетняя Клеманс, глядя на страдания отца.

– Девочка моя, это очень неприличное выражение, – рассеянно ответил граф. – Надо говорить тестикулы...

– Как у бычка?

– Совершенно верно...

– Хорошо, папа. Когда я вырасту, я оторву ему тестикулы.

Клеманс не любила школу, бурлящую неистовой энергией сверстников, и не любила воскресные дни, потому что боялась ходить на мессу. Ее угнетала стрельчатая необъятность собора и муравьиная возня паствы, контраст неуязвимого пространства и

микроскопических смертных тел. Но страшнее всего было стотрубное чудище, живущее под сводами церкви. Чудище пробуждалось почти неслышно, его первый звук был таким тихим, что казался всего лишь дополнительной нотой в шепоте прихожан, в шарканье шагов и в пiske младенцев, но постепенно неясный гул нарастал, его утробные вибрации щекотали затылок, скользили по позвоночнику, сползали в живот и сжимали мочевой пузырь. А еще через мгновение орган обрушивался на Клеманс всем своим весом, всей мощью медных труб. Она зажимала уши и пряталась в подмышку отца.

— В кого она такая? — сокрушалась мать, властная эльзасская баронесса.

— Да уж точно не в меня, — вздыхал граф, выросший среди деревенских детей, чьи отцы начинали утро со стопки самогона и тарелки горячей похлебки, а потом запрягали своих першеронов и отправлялись на лесозаготовки — в сырую безмолвную чащу, где круглый год росли бледные тонконогие грибы, а под мшистыми кочками шныряли бесы и щекотали ноги безропотных лошадей. Лесорубы не боялись лесных тварей и кидали им объедки второго завтрака.

Да... И бесы перевелись, и народ измельчал... — думал граф, глядя на сублинную дочь.

К тринадцати годам Клеманс превратилась в полупрозрачную крахановскую деву: узкие покатые плечи, треугольное лицо с высоким лбом, несоразмерно большие, раскосые глаза и детский ротик с хищноватым изгибом.

Она пробиралась по жизни, боязливо озираясь вокруг. Обходила стороной трехметровый камин, в котором, как объяснил старший брат, живет демон и по ночам жарит на вертеле девственниц, отрезая запекшиеся кусочки старинным мечом — тем, что висит на противоположной стене рядом с портретами феодальных предков. Она пряталась от взглядов монахинь в католическом лицее, от разухабистых деревенских подростков и от их рычащих мотоциклов; она шарахалась от толпы профсоюзных активистов с факелами и вздрагивала на замечания инструктора по вождению.

Двадцатилетняя Клеманс испуганно косилась на отца, когда он вел ее к алтарю, чтобы передать в объятия красивому мальчику

из хорошей семьи. Уши долговязого жениха пылали от смущения и вожделенья.

Молодоженов поселили во флигеле с донжоном. Окна спальни выходили во двор, заставленный сельхозтехникой, в отдельном ангаре жил антикварный трактор отца. А дальше было бесконечное поле и длинное стойло с коровами породы шароле. Иногда к стойлу подгоняли решетчатую фуру, заталкивали в нее двух мясных гигантов и увозили на бойню под прощальное мычание стада.

После замужества жизнь Клеманс почти не изменилась. Она по-прежнему училась в школе бухгалтеров, а по вечерам помогала отцу: вела деловую переписку, манипулировала банковскими счетами и затыкала финансовые дыры в их обширном, но бестолковом хозяйстве. Цифр она не боялась, как и прочих абстракций, не способных причинить вред. Ее пугали явления, а не идеи: долгая дорога казалась страшнее бесконечности, а случайная смерть соседа — ужаснее, чем закономерная недолговечность бытия. Опасные белые шароле, бочки с солярой, бензопилы и ножи комбайнов превращались в цифры и подчинялись ее воле, выстраиваясь в таблице Excel красивыми и безобидными столбцами.

Закончив работу, она возвращалась во флигель, ужинала с мужем и после робких отговорок уступала его влюбленным посягательствам. Она безучастно исполняла супружеский долг и упрекала себя в равнодушии.

Клеманс избегала праздников и шумных семейных сборищ. Летом, когда в замок съезжались родственники и рассаживались за столом на террасе, она, под предлогом срочной работы, скрывалась в отцовском кабинете. Здесь ей ничто не угрожало: болтовня сестер, споры о политике, обсуждения новой модели комбайна, кухонных рецептов и физиологии новорожденных племянников отсекались хлопком кабинетной двери.

Клеманс все глубже погружалась в уютный океан деловых бумаг и все реже выныривала на поверхность. Какая она серьезная! — восхищались родственники. — Кажется, поместье в надежных руках! Граф польщенно кивал, а Клеманс улыбалась вежливо и отстраненно.

Так прошли лето и осень, а в начале зимы, когда над провинцией повис перламутровый туман, коров загнали в стойла, а в погребах созрела брага – сливовая, грушевая и виноградная, в деревню прикатила передвижная винокурня и устроилась на окраине возле заброшенного амбара. К винокурне съезжались джипы и легковушки с прицепами, груженные пластиковыми бочками. В бочках томилось унылое фруктовое месиво и мечтало о перевоплощении в жизнерадостную огненную жидкость.

Было морозящее декабрьское утро, Клеманс уже заводила машину, когда ее окликнула мать:

– Постойте, дитя мое! Только что звонили с винокурни, говорят все готово. Не могли бы вы после занятий забрать бутылки?

– Конечно, мама. До вечера!

Вечером пошел снег и дороги подморозило. Клеманс на стареньком Пежо пробиралась в сумерках к заброшенному амбару. Печка не работала, лысые колеса скользили, дворники размазывали снежную кашу по ветровому стеклу.

Винокурня – четырехколесная платформа с брезентовым навесом – утопала в снежной круговерти и в облаках алкогольного пара. Навстречу вышел хозяин, рыжебородый гигант в крестьянском комбинезоне.

– Привет, ты что ли графская дочка? Проходи, не стесняйся!

Он откинул брезентовый полог и подтолкнул Клеманс вперед.

Это было тесное помещение, освещенное желтой подвальной лампой. В дымном полумраке вздыхало и урчало медное чудище – нагромождение перегонных кубов, переплетение труб с кранами и с манометрами. Котлы пыхтели и выдавливали из себя струйку ароматной жидкости, которая стекала в ведро с поплавком спиртометра.

– Готова ваша сливянка, сейчас принесу. Отличное вышло пойло!

Он вернулся через минуту с тяжелым ящиком.

– А чего ты дрожишь? Замерзла? Давай-ка, хлебни, чтобы не простудиться.

– Я же за рулем...

– Да брось, жандармы сюда не сунутся! Ну что, за знакомство? Меня зовут Либер, а тебя?

– Клеманс.

– Твое здоровье, малютка Клеманс!

Она выпила. От пятидесятиградусного самогона вспыхнуло лицо и навернулись слезы, концентрированный аромат сливянки проник во все закоулки организма и поселился там навсегда.

– Молодец! А теперь повернись-ка к свету, а то не вижу, с кем пью.

Он подошел вплотную, подхватил ее и, как куклу, усадил на высокую бочку с брагой.

– Э, да ты совсем ребенок! Сколько тебе? Семнадцать?

– Двадцать один.

– Совершеннолетняя, значит. Это хорошо.

– Почему?

Либер улыбнулся, стянул с нее шапочку и размотал длинный шарф.

– Какая же ты крошечная, того и гляди исчезнешь!

– Что вы делаете?! – Клеманс ошарашенно наблюдала за его действиями.

– Собираюсь улучшить графскую породу, а то совсем вы тут измельчали! – подмигнул Либер и расстегнул верхнюю пуговицу ее пальто.

– Прекратите! Я замужем! Нас могут увидеть!

– Тебя только это смущает?

Он скалил зубы в шальной усмешке, неприличный шепот обжигал ее шею, борода елозила по голому животу. Клеманс не сопротивлялась – первый раз в жизни прикосновение чужой шерсти не вызывало страха и отвращения.

– Простите за опоздание, – извинилась Клеманс, входя в столовую. Вся семья уже собралась за столом.

– Почему вы так задержались, дитя мое? – мать недовольно поглядела на часы. – Я очень волновалась, на улице гололед и уже стемнело.

– Там была очередь, – объяснила Клеманс, даже не заметив, как легко ей далось первое в жизни вранье.

– Вы не отвечали на звонки!

– Я не слышала... Может, телефон разрядился? – Она порылась в карманах – Да куда же он подевался? Наверное, обронила на винокурне, придется завтра заехать. – Клеманс расстроено хмурилась, а предусмотрительно отключенный телефон молчал на

дне кармана.

Всю следующую неделю она не появлялась на занятиях и пропустила несколько контрольных. Алкогольные бесы, сидящие на перегонных котлах, встречали Клеманс глумливым хихиканьем. Либер поил ее самогоном – сливовым, грушевым и виноградным, а Клеманс трепала его рыжие патлы, стараясь не задевать короткие рожки, растущие над ушами.

– Да не бойся ты, они не заразные и по наследству не передаются! – смеялся Либер и бодался, как шаролезский бык.

Винокурня уехала в середине декабря, а в августе родился ребенок – крупный, орущий басом мальчик с головой, заросшей оранжевой шерстью.

– Странно, что без бороды, – хмыкнула акушерка.

Еще через год родилась дочь – такая же большая и рыжая. Девочка размахивала кулаками и тоже орала басом, но успокаивалась, когда Клеманс подносила к ее носу тряпочку, смоченную в сливовом самогоне.

Винокурня приезжала каждый декабрь, дети рождались в августе. В первые годы соседи шептались за спиной маленькой, вечно беременной Клеманс, но со временем привыкли и успокоились. Муж давно исчез, безропотно и смущенно, а Клеманс по-прежнему жила в мире цифр, кредитов, финансовых отчетов и налоговых деклараций. Жила в ожидании декабря и августовской расплаты. Детьми она почти не интересовалась и отдала их на попечение своей матери, которая страстно любила рыжих внуков, но беспокоилась о здоровье дочери и в начале декабря подсовывала на ее письменный стол статьи о современных методах контрацепции.

А отец был счастлив: коровы набирали вес и легко разрешались от бремени, росли цены на древесину, солнечные дни чередовались с короткими ливнями, в то время как соседние провинции страдали от засухи и наводнений.

Дела шли все лучше: Клеманс заключала выгодные сделки и управляла семейным капиталом, цифры в графе доходов обрастали нулями. А когда старинная тяжба за спорный участок леса завершилась полной победой Клеманс, отец, втайне от семьи,

переписал завещание на младшую дочь.

Старшие сестры и брат – безупречные столичные жители – восхищались ее успехами и неумело скрывали свое презрение.

– Чему ты удивляешься? – услышала она однажды, проходя мимо кухни. – У малышки никогда не было амбиций. Она умеет считать и рожать, вот и все ее интересы. Думаю, кроме бухгалтерских учебников, Клеманс не прочла ни одной книги.

– Ты права, – ответил вальяжный мужской голос. – Наша сестра связала свою жизнь с деревней, но сколь чуждо ей все, что наполняет истинным смыслом эту жизнь! Ее натура лишена той глубинной сути, без которой заботливая рачительность хозяина превращается в пустую погоню за прибылью! Ее руки не знали благородного труда, ее ноздри не вдыхали запаха унавоженной земли, не трепетали, почуяв патриархальный аромат овчарни...

– Наши, братец, тоже не трепетали, – перебила старшая сестра.

– И ты все-таки не забывай, кто оплачивает твои авантюры.

Клеманс на цыпочках прокралась мимо кухни в отцовский кабинет и опустилась в кресло напротив окна. В последнее время ее мучила одышка и болели ноги – в животе созревал очередной плод самогонного декабря.

После рождения седьмого внука мать не выдержала и распахнула дверь кабинета. Клеманс сидела за столом, уткнувшись в экран компьютера, красивые пухлые цифры выстраивались в графу «Доходы».

– Как вы себя чувствуете, дитя мое?

– Нормально. – Клеманс неохотно оторвалась от экрана.

– У вас усталый вид.

– Все в порядке, мама.

– Послушайте, Клеманс... Вы знаете, как я привязана к внукам, но мы с отцом очень о вас беспокоимся. Так не может продолжаться вечно! Во что вы превратили свою жизнь? Цифры и роды, цифры и роды... Вы же молодая женщина, вам еще нет тридцати! Я в ваши годы...

– Не волнуйтесь, мама, он больше не приедет.

– Вы что, поссорились? Тем лучше! Этот бык-производитель, которому наплевать на собственных детей...

– Мама, его зовут Либер, я вам уже говорила.

– Какое дикое прозвище! Это что-то политическое?

– Мифологическое. – Клеманс раскрыла энциклопедический словарь. – Вот, смотрите: «Либер Патер, итальянский бог плодородия и виноградарства. Отождествляется с Вакхом. Символ власти – фаллос». Мы заключили сделку: семь детей в обмен на процветание замка. Не знаю, зачем ему дети, но свое обещание он выполнил.

– Неужели вы верите в эту чушь, бедная моя девочка?!

– И еще у него настоящие рожки, я сама видела. Вот такие, маленькие и коричневые. А теперь будьте добры, оставьте меня. Я должна закончить финансовый отчет.

Клеманс работала до трех ночи, потом выпила стаканчик сливянки и легла спать.

Ранним утром ее разбудил шум: с улицы доносились победные вопли, ругательства, детский плач и возмущенные крики взрослых. Она выглянула в окно. Во дворе банда рыжеволосых детей поливала городских кузенов из садовых шлангов.

– Клеманс! – орала старшая сестра, – немедленно угомони своих демонов!

Она захлопнула окно, забралась под одеяло и снова заснула.

Ей приснился каминный зал замка. У дальней стены, рядом с портретами феодальных предков, громоздится нелепая инсталляция: скопление медных труб и котлов, симбиоз органа и винокурни. Звучат первые такты Аллилуйи, из трубки в нижней части сооружения льется ароматная прозрачная жидкость. В камине горит огонь, и косматый улыбчивый демон с короткими рожками жарит на вертеле девушку. Он обрезает запекшиеся кусочки и кормит ими веселых рыжеволосых детей.

Об авторе: ОЛЬГА ВИШНЁВА

Родилась в Казани. Художник, окончила живописный факультет института им. Сурикова. Живет в городе Невер, Франция. Преподает в художественных студиях и участвует в выставках.
Neкаýalar